

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХVІІІ.

1909

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1909

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
НОЯБРЬ, 1909 Г.

МОЯ СТАТЬЯ О ЧЕХОВѢ.

(Бесѣда съ читателями).

«Слова и иллюзіи гибнутъ—факты остаются».

Д. И. Писаревъ.

I.

ВЪПОМИНАЯ доброе старое литературное время, когда велась горячая полемика между журналистами, когда страсти разыгрывались съ такой же силой, какъ и въ наши дни,—вѣроятно, многіе читатели не безъ грусти должны видѣть, что характеръ современныхъ полемическихъ статей измѣнился къ худшему. Теперь литераторъ воюетъ по-японски, подползая къ противнику и ударяя его неожиданно, изъ-за угла. Всѣ старинные добросовѣстные приемы журнальной борьбы забываются и оставляются. Честное отношеніе къ рѣчамъ противника начинаетъ казаться смѣшной наивностью. Очень многіе писатели пускаютъ въ ходъ передержки, навязываютъ вамъ свои собственные идеи, клеветаютъ безъ зазрѣнія совѣсти о вашей дѣятельности и съ легкимъ сердцемъ пачкаютъ вашу чистую репутацію. Я ужъ не говорю о приличномъ тонѣ: онъ исчезъ, и взамѣнъ ему приглашенныя грубѣйшіе эпитеты, позорнѣйшія выраженія. Бѣда тому, кто осмѣлится пойти вразрѣзъ съ мнѣніемъ сплоченнаго большинства: онъ, какъ докторъ Штокманъ въ пьесѣ Ибсена, восприметъ на свою голову всѣ недостойныя выходки, всѣ камни изъ-за пазухи и грязные потоки многоразличныхъ обвиненій...

Къ счастью, есть оазисъ, гдѣ всегда найдется пріютъ оскорбленному писателю: это—кружокъ интеллигентныхъ читателей, когда-то маленькій, теперь обширный и окрѣпшій. Я говорю о читателѣ,

конечно, развитомъ, стоящемъ выше цѣлой головой иного журнальнаго дѣятеля. Такихъ читателей въ наше время стало много. Движеніе 1905—1906 гг. пробудило Россію, провело глубокія борозды на заброшенной нивѣ жизни. Когда эту новь подняли, родились новые дѣятели, новыя оригинальныя мысли. Все измѣнилось, подросло, поумнѣло, а журналистика... осталась прежней, за весьма малыми исключеніями. Вотъ почему сошли и сходятъ съ арены многіе органы прессы, недавніе трибуны, которые неожиданно отстали отъ толпы. Казалось бы, теперь-то и процвѣтать глашатаямъ свободы слова и убѣжденій, но на практикѣ выходитъ другое. Только талаптливое изданіе не умираетъ, только умный писатель остается цѣнимъ публикой, несмотря на то или иное его направленіе, лагерь и политическій ярлыкъ. Я думаю, что теперь ужъ не такъ часто встрѣтится тотъ щедринскій читатель, который почитываетъ, а когда съ писателемъ бѣда—скрывается въ подворотню. Нѣтъ, подобный типъ, слава Богу, исчезаетъ и, кажется, навсегда...

Я назвалъ настоящую замѣтку «бесѣдой съ читателями» потому, что статья о Чеховѣ произвела прежде всего впечатлѣніе на публику: я получилъ много писемъ раньше, чѣмъ поднялся шумъ въ газетахъ; всѣ читатели, сочувствующіе и не сочувствующіе моей статьѣ, писали свои письма мягко и деликатно; такимъ образомъ, образованная публика и въ этомъ отношеніи оказалась выше гг. журналистовъ, обрушившихся на меня, какъ говорится, съ пѣной у рта и безъ соблюденія самыхъ простыхъ правилъ приличія. Выдержки изъ нѣкоторыхъ писемъ я помѣщаю въ концѣ моей настоящей замѣтки, а теперь поговорю о газетныхъ статьяхъ, вызванныхъ моимъ первымъ очеркомъ о Чеховѣ.

II.

Читателямъ извѣстенъ этотъ «опытъ характеристики», который я напечаталъ въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Я сдѣлалъ носильную оцѣнку литературной дѣятельности покойнаго симпатичнаго писателя и сообщилъ кое-какіе факты изъ его жизни, рисующіе Чехова, какъ человѣка. Ни одинъ изъ этихъ фактовъ не былъ опровергнутъ, что легко было бы сдѣлать, въ случаѣ неправды или ошибки съ моей стороны.

Собирая матеріалы для біографіи незауряднаго дѣятеля,—Чеховъ же былъ дѣятель крупный и блестящій,—всякій долженъ отдать себѣ отчетъ: для кого онъ пишетъ, для друзей усопшаго дѣятеля или для широкаго круга публики? Для друзей и родныхъ пишутся панегирики, что особенно къ лицу дѣятелю сомнительному; а для правильнаго пониманія выдающагося писателя, артиста, художника и т. п. слѣдуетъ рисовать точный его портретъ. Помоему, начавъ писать біографію Чехова, ни одинъ біографъ не

имѣть права утаить яркіе факты жизни этого литератора, хотя бы самъ по себѣ иной фактъ показывалъ Чехова въ невыгодномъ освѣщеніи. Такъ поступилъ и я, собравъ о Чеховѣ все свѣтлое, украшающее, но точно также упомянулъ и о томъ, что не прибавляло Чехову въ его достоинствахъ. И я не злорадствовалъ, а скорбѣлъ, приводя примѣры паденія его таланта или уклоновъ въ сторону съ прямого пути. Этого, кажется, не понялъ ни одинъ критикъ, вступившій со мной въ полемику.

Вѣру первую статью сотрудника «Биржевыхъ Вѣдомостей» и «Русскаго Слова» г. А. Измайлова. Онъ писалъ и для Москвы, и для Петербурга, озаглавивъ первый фельетонъ—«Возвышающій обманъ и низкія истины», второй—«Развѣнчаемый Чеховъ». Эти статьи производятъ нѣсколько странное впечатлѣніе. Правда, г. Измайловъ выдѣлился изъ общаго хора бранившихъ по моему адресу литераторовъ и вполне сдержанно писалъ о моей статьѣ слѣдующее («Русское Слово»):

«Въ воспоминаніяхъ г. Ежова ничего нѣтъ, что было бы неудобнымъ, неприличнымъ въ литературномъ смыслѣ: ни заглѣзанія въ личную семейную жизнь Чехова, ни при жизни всѣхъ ему близкихъ неудобныхъ разоблаченій, ни оскорбительнаго тона. Все—въ предѣлахъ строго-литературной статьи, съ неоднократными заявленіями о симпатичности общаго облика Чехова, объ авторскихъ добрыхъ чувствахъ къ нему. Можетъ быть, *совсѣмъ немного* (курсивъ мой) нужно было вычеркнуть, чтобы статья соответствовала своему подзаголовку «эпизъ характеристики», какой стоитъ надъ нею».

Но далѣе г. Измайловъ, перечисливъ кое-какіе примѣры не въ пользу Чехова, вдругъ заявляетъ:

«Въ такомъ родѣ вся статья г. Ежова».

Я затрудняюсь понять эту фразу. Если вся моя статья такъ подобрава, что она вся, сплошь, неблагоприятна для Чехова, то какимъ образомъ я могъ бы «совсѣмъ немного» вычеркнуть, чтобы статья соответствовала идеалу г. Измайлова?

Но не въ этомъ главная странность фельетона названнаго журналиста. У него приводится много великихъ именъ, и авторъ, во имя тезиса «тъмны низкіе истины намъ дороже насъ возвышающій обманъ», хочетъ вѣрить, что Пифагоръ слышалъ гармонію сферъ, Магометъ бесѣдовалъ съ ангелами, а Беатриче была сверхъестественно хороша собою. Далѣе, г. Измайловъ говоритъ, что Шекспиръ кралъ дичь, Вольтеръ имѣлъ вставные зубы, а лордъ Бэконъ бралъ взятки, не что у этихъ людей было «кое-что и повыше». Все это совершенно справедливо, но какое отношеніе имѣетъ къ моей статьѣ о Чеховѣ? Я писалъ о послѣднемъ и то, что въ немъ есть «повыше», и то, что «и пониже». Я старался быть объективнымъ, безпристрастнымъ. Я рисовалъ не карикатуру, а портретъ писа-

теля. Дѣло, впрочемъ, вотъ въ чемъ: я и г. Измайловъ совершенно по разному смотримъ на Чехова. Онъ видитъ въ немъ первокласснаго русскаго писателя и ставитъ его имя рядомъ съ именами Шекспира, Байрона, Пушкина. Я Чехова съ такими гениями не сопоставлю и называю писателемъ среднимъ, отчасти подражательнымъ. Но въ своей статьѣ я отнюдь не уподоблялся «толпѣ, жадно читающей записки о великихъ людяхъ, чтобы видѣть ихъ униженіе»,—храни меня Богъ отъ этого! Но вотъ когда чуть не въ хрестоматію начали вводить, какъ правило, что Чеховъ — «великій писатель земли русской», что онъ «выше Тургенева» и «равенъ Толстому», да еще, вдобавокъ, едва ли не Христосъ по прекраснодушію, я позволилъ себѣ протестовать и пробовалъ опредѣлить истинные размѣры таланта и дѣятельности Чехова; я хотѣлъ дать нѣсколько вѣрныхъ и характерныхъ черточекъ, изъ которыхъ рисуется личность писателя, и сдѣлалъ это честно, не тайкомъ, не надѣвая маски псевдонима. Но вотъ выступаетъ деликатный г. Измайловъ и зоветъ мои факты «низкими истинами». Что же долженъ обозначать у г. Измайлова «возвышающій обманъ»? Вѣроятно, то, когда біографъ не только «немного» вычеркнетъ темныхъ случаевъ изъ жизни знаменитости, но даже преувеличитъ его солидныя добродѣтели? Такъ ли я долженъ понимать г. Измайлова? По-моему, если бы я вычеркнулъ изъ характеристики Чехова его поступки съ покойными Левитаномъ и Кувшинниковой и съ особой, послужившей моделью для искаженного Чеховымъ портрета «Аріадны», я бы представилъ вниманію интеллигентнаго читателя не «возвышающій», а, пусть извинитъ меня г. Измайловъ, прямо шизкій обманъ. Моя совѣсть такъ мнѣ сдѣлать не позволила, но кто внимательно читалъ мою статью, тотъ вспомнитъ, что я, выразивъ глубокое сожалѣніе по поводу промаховъ Чехова, говорилъ слѣдующее:

«Но то были его ошибки, въ которыхъ онъ, вѣроятно, самъ раскапвался. *Слишкомъ много въ Чеховѣ было хорошаго, чтобы онъ не сознавалъ дурного...*» («Ист. Вѣстн.», августъ, стр. 508).

Вотъ почему и второй фельетонъ г. Измайлова (Бирж. Вѣдом.), озаглавленный «Развѣнчаный Чеховъ», названъ невѣрно и несправедливо. Одинъ изъ читателей это обстоятельство отмѣчаетъ и, находя мою характеристику вѣрною, пишетъ мнѣ, что критика напрасно говоритъ о «развѣнчиваніи», т. е. что мою статью можно смѣло назвать «Настоящій Чеховъ», «Чеховъ безъ прикрасъ». Но г. Измайловъ, называя мою характеристику «однобокой», самъ «однобоко» меня понялъ и говоритъ, что я сдѣлалъ «подборъ отрицательныхъ фактовъ». Г. Измайлову я могу отвѣтить, положи руку на сердце, что никакихъ «подборовъ» я не производилъ, а писалъ свою статью безъ всякой предвзятой мысли, съ однимъ желаніемъ—быть правдивымъ. Мнѣ было тошно отъ той сусальной одежды, въ которую наря-

дили Чехова его чрезмѣрные поклонники (г. Измайловъ зоветъ такихъ господъ «безвкусицами»), и я своей статьей протестовалъ противъ «засахариванія» (выраженіе также г. Измайлова) Чехова, противъ пошлости тона воспоминателей, а главное—чего не увидать ни одинъ критикъ—противъ оскорбленія и униженія свѣтлой памяти великихъ писателей: Тургенева, Гончарова и Достоевскаго, которыхъ разные учителя словесности ужъ поставили ниже Чехова, а разные «хмурые» бездарные писатели уподобили его Льву Толстому, этому свѣточу русской литературы, передъ которымъ Чеховъ—былинка, озаренная этими могучими и живительными лучами. Оскорбляясь на мою статью за Чехова, господа журналисты лучше бы оскорбились за классиковъ русской литературы...

III.

Полную противоположность представилъ вѣжливому и литературному г. Измайлову московскій преподаватель словесности и пазываемый даже «профессоромъ» г. П. Сакулинъ, напечатавшій въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» также обширный фельетонъ, направленный противъ моей статьи о Чеховѣ.

Тутъ ужъ о деликатности нѣтъ и помину. Г. П. Сакулинъ расправляется со мной и съ истиной съ полной безцеремонностью. Вопреки мнѣнію г. Измайлова, только что сказавшаго, что моя статья «строго литературна и не содержитъ обличеній», г. Сакулинъ увѣряетъ, что я то и дѣло «сбиваюсь на обличенія (какія и кого?)», что я неискренень, не имѣю добраго расположенія къ Чехову и только говорю, что восторгаюсь его талантомъ. При этомъ г. Сакулинъ употребляетъ не то чтобы совсѣмъ новые, но для «Русскихъ Вѣдомостей» не совсѣмъ удобные приемы: искажая смыслъ моихъ рѣчей, онъ передаетъ выдержки изъ моей статьи *своими словами*, и получается нѣчто грубое, нелѣпое. Читатели введены въ заблужденіе, и многіе могутъ думать, что это я такъ плохо и плоско наговорилъ про Чехова. А г. Сакулинъ, вообще, литераторъ блѣдный и неуклюжій, цитируя и исправляя меня на свой вкусъ, особенно щеголялъ вульгарнымъ языкомъ. Вотъ хоть эта фраза, будто бы мною написанная про Чехова:

«Захваленный и самообольщенный беллетристъ захотѣлъ быть наравнѣ съ Толстымъ, но такъ и не вышло изъ него не только Толстого, но и Тургенева, и Гончарова, и даже Лѣскова. Таланта не хватило».

Съ такой хлесткостью не совсѣмъ хорошаго тона г. Сакулинъ написалъ всю свою статью, но ни въ чемъ меня не опровергъ. Самъ онъ Чехова зналъ мало и ссыался на г. Бунина, который также о Чеховѣ могъ сказать немногое. Чтобы поколебать читателя при оцѣнкѣ моей статьи, г. Сакулинъ сдѣлалъ еще одну неопрят-

ную выходку; онъ заявилъ, что я только потому хвалю чеховскіе рассказы въ «Новомъ Времени», что самъ до сихъ поръ состою постояннымъ сотрудникомъ этой газеты. Честное слово, отъ сотрудника «Русскихъ Вѣдомостей» я ждалъ пріемовъ нѣсколько благороднѣе! Пусть же читатели оцѣнятъ по достоинству уловки прогрессивнаго сотрудника изъ прогрессивной газеты...

Грубоватый и мало-литературный фельетонъ г. Сакулина, какъ я замѣтилъ, носить на себѣ слѣды раздраженія и признаки злорадства. Я знаю, откуда эти ручейки сердца г. Сакулина берутъ свое начало. Я вспомнилъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на страницахъ «Новаго Времени» я нанесъ самолюбію г. Сакулина чувствительный ударъ. Тогда онъ не могъ напечатать отвѣтнаго фельетона, потому что былъ мною, маленькимъ журналистомъ-корреспондентомъ, онъ, профессоръ словесности и знатокъ литературы, уличенъ въ незнаніи русской литературы.

Я кратко расскажу эту смѣшную исторію. Въ Москвѣ былъ издатель, нѣкій г. Скимунтъ, затѣявшій изданіе «Галереи русскихъ писателей»; онъ пригласилъ гг. П. Сакулина, приватъ-доцента В. Шулятикова (писалъ критическіе фельетоны въ «Курьерѣ» временъ Фейгина) и врача И. Игнатова, состоящаго до сихъ дней литературно-театральнымъ критикомъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», для составленія и редактированія этой «Галереи». Названные литераторы-критики и знатоки изящной словесности, повозившись довольно долго, наконецъ выпустили въ свѣтъ свой «трудъ». И что же? «Галерея русскихъ писателей» поразила всѣхъ своей безграмотностью и даже, какъ это ни странно, очевиднымъ литературнымъ невѣжествомъ. Начать съ того, что характеристики писателей были составлены невѣрно и пристрастно. Крупные писатели тамъ игнорировались, мелюзга рекламировалась. Какому-то еле извѣстному Осиповичу редакторы нашли много любезныхъ словъ и похвалъ, а Достоевскому (какъ ретрограду, вѣроятно) удѣлили всего 30—40 строкъ (это Достоевскому-то!). Описать очень тепло Григорій Мачетъ, расхвалить Баранцевичъ, но зато все враждебное предано остракизму или снабжено сухими рецензіями съ воробьиный пось. Многихъ явно забыли, по явному незнанію русской литературы. «Галерея» у меня въ рукахъ, и я тамъ не нахожу слѣдующихъ русскихъ писателей: Ахшарумова, Бажина, князя Кутушева, В. Алмазова, князя Цертелева, графа Голеннищева-Кутузова, К. Р., Павла Козлова (переводчика «Донъ-Жуана»), П. Ф. Василевскаго (сотрудника «Русскихъ Вѣдомостей», между прочимъ), О. В. Миллера, Вл. О. Михневича, В. А. Тихонова (извѣстный драматургъ), А. Н. Вѣжецкаго (Маслова), С. Н. Сыромятникова (Сигму), А. С. Суворина, князя В. Барятинскаго, А. П. Лукина («Скромный Наблюдатель» изъ тѣхъ же «Русскихъ Вѣдомостей»), Тагьяну Пасежъ, Панаеву-Головачеву, Д. Ленскаго (извѣстнаго

водевиллиста), Д. Н. Гирса, С. С. Шашкова, Л. И. Пальмина, Л. И. Трефолева, Л. Н. Граве, А. С. Лазарева-Грузинскаго, А. Голицынскаго, Головина-Орловскаго, князя Волконскаго, М. О. Меньшикова, Вс. С. Соловьева, Накрохина, А. И. Будищева, Лебедева-Морского, А. Дьякова-Незлобина («Житель»), Захарьина-Якунина, О. Сологуба (Тетерникова, нынѣшнюю знаменитость), И. А. Потѣхина, Д. И. Стахѣва, Д. Михаловскаго, Губера, Гербея, Андреевскаго, Петра Быкова, В. Величко, А. Коринфскаго, А. А. Оедотова (драматурга), А. П. Шапова, Кроткова (сотрудника «Отечественныхъ Записокъ» 80-хъ годовъ), Навропкаго (Н. А. Вроцкій), Погорѣльскаго, Пл. А. Кускова, Ф. В. Черниговца, Дьяченко (прежній «ходовой» драматургъ), Конст. Леонтьева (разказы изъ жизни христіанъ въ Турціи и другіе очерки («Русскій Вѣстникъ» временъ Каткова), Вас. Маркова, Е. Дріанскаго («Тузъ», «Записки мелкотравчатого и др.), Лѣткову, Лухманову, Блаватскую, (Радда-Бай), Софью Ковалевскую, Желиховскую, Дубровину, Генріетту Каргрэмъ, Викт. Александрова (извѣстный драматургъ), Н. Соловьева (авторъ «Женитьбы Вѣлугина», «На порогъ къ дѣлу», «Дикарки» и мн. др.), Н. Гариша (Михайловскаго), Воронова, Сѣрошевскаго, Тапа (Богоразъ), Соймонова, Льдова, князя Э. Э. Ухтомскаго, Мина и мн. др.

Скажите, читатель, какъ вамъ правится подобная «Галерея русскихъ писателей», гдѣ пѣтъ столькихъ русскихъ писателей? Вѣдь, просто не вѣрится, что изданіе редактировалось тремя «знатоками». Но перейдемъ къ тексту. Предупреждаю, въ немъ курьезовъ бездна! Вотъ, напримѣръ, на стр. 499 говорится, что критикъ И. И. Ивановъ (изъ «Русскихъ Вѣдомостей») въ 1862 году родился, а съ 1873 года уже «читалъ лекціи въ московскомъ университетѣ». Итого—привать-доцентъ 11 лѣтъ отъ роду! Другой примѣръ: Благосвѣтловъ, по свѣдѣніямъ гг. Сакулина, Игнатова и Шулятикова, умеръ въ 1880 году, и тотъ же Благосвѣтловъ, по удостовѣренію тѣхъ же редакторовъ «Галереи», «имѣлъ въ 1885 году крупныя недоразумѣнія по службѣ» и даже потомъ «поѣхалъ путешествовать по Англіи и Франціи». Далѣе: «Авенаріусъ въ *семидесятихъ годахъ* началъ заниматься литературой *послѣ того*, какъ Фребелевское общество дало ему *въ 1879 и 1880 году* двѣ преміи за разказы». Недурно? На стр. 443 «Галереи» читаемъ, что въ 1877 году Вас. И. Немировичъ-Данченко отправился *горнымъ* корреспондентомъ. Что это такое—«горный корреспондентъ»? этого редакторы не выяснили. Вообще, чѣмъ далѣе читатель заглянетъ въ нѣдра диковиннаго московскаго изданія, тѣмъ болѣе найдетъ редакторскихъ шалостей и... явнаго незнанія того предмета, за который они встроимъ храбро взялись. Такъ, И. Н. Потапенко, этотъ всеобщій сотрудникъ, печатающій свои романы и повѣсти во всѣхъ русскихъ изданіяхъ, названъ «извѣстнымъ сотрудникомъ *педагогическихъ журналовъ*;

Н. Н. Каразинъ, послѣ *долгой* службы въ офицерскихъ чинахъ, вышущей г. Сакулинымъ и К^о. въ отставку всего 29 лѣтъ отъ роду. Писателю Эртелю приписывается несуществующій романъ «Гарденинъ» (хотя его романъ носитъ названіе «Гарденины, ихъ дворянъ, приверженцы и враги»); у г. Гнѣдича редакторы отыскиали пьесу «На хуторахъ» («На хуторѣ»); романъ Ю. Жадовской «Въ сторонѣ отъ большого свѣта» г. П. Сакулинъ именуетъ «Въ сторонѣ отъ булыжной *дороги*»; наконецъ, вотъ каковъ слогъ и какова грамотность текста «Галереи»:

«У Баранцевича есть и большія повѣсти, и романы: «Раба», гдѣ описывается женская преданность, «Чужакъ», изображающій моменты восторженнаго отношенія интеллигенціи къ народу, «Борцы» — длинная повѣсть, *пытающаяся олицетворить общественныя отношенія въ образъ борцовъ на садовой эстрадѣ и публики лѣтнихъ садовъ* (общественныя отношенія въ образѣ борцовъ и публики лѣтнихъ садовъ... неужели три редактора, профессоръ словесности, приватъ-доцентъ русской литературы и литературно-театральный критикъ серьезной газеты не видятъ, какая это галиматья!?)» (стр. 403).

Еще примѣръ красоты изложенія:

«Лунный рассказъ Михеева — «Черепъ Гюрика» — вскрываетъ тѣ органическія причины, которыя способствовали зарожденію эстетическихъ, индивидуалистическихъ и мистическихъ настроеній» (стр. 546).

«Вскрывая» далѣе «Галерею русскихъ писателей», читатель можетъ наконецъ дойти до «твоздя» курьезовъ и раритетовъ этого юмористическаго изданія. Гг. Сакулинъ, Игнатовъ и Шулятиковъ написали біографію новаго Некрасова, Николая *Александровича*. Всѣмъ, даже гимназистамъ младшихъ классовъ извѣстно, что популярнаго русскаго поэта Некрасова звали Николаемъ Алексѣвичемъ, но профессоръ Сакулинъ, приватъ-доцентъ Шулятиковъ и критикъ Игнатовъ, какъ въ оглавленіи книги, такъ и въ текстѣ біографіи (что прямо исключаетъ ошибку, опisku или опечатку, а констатируетъ только невѣжество составителей) продолжаютъ именовать его «Александровичемъ». Тогда въ какомъ-то юмористическомъ журналѣ спрашивали редакторовъ «Галереи»: скоро ли они выпустятъ біографію Ивана Петровича Пушкина, Сергія Васильевича Лермонтова и Федора Никифоровича Гоголя? Разумѣется, я не промолчалъ о появленіи подобнаго курьеза и назвалъ въ одной изъ своихъ нововременскихъ статей «трудъ» гг. Сакулина, Игнатова и Шулятикова безграмотной макулатурой и, при этомъ, подивился, что среди представителей науки и литературы находятся такъ мало освѣдомленные въ своихъ же спеціальностяхъ люди...

IV.

Говорить ли мнѣ о безобразно-ругательной статьѣ священника Григорія Петрова, который набросился на меня съ руганью, поднятыми кулаками и съ рѣчами, ничего общаго не имѣющими ни съ христіанской кротостью, ни просто съ литературной вѣжливостью, на которую и г. Петровъ, и я оба имѣемъ равное право? Нѣтъ, было бы ниже моего достоинства разбирать эту сплошную грязь. Замѣчу только, что статьи моей о. Петровъ явно не читалъ и ругается лишь во имя того, что надо же и ему подать голосъ при общемъ крикѣ. О. Гр. Петровъ при всякой сумятицѣ всегда спѣшитъ, ради популярности, напумѣть и, если это удобно, наскандалить. Честнаго отношенія къ противнику отъ него нечего ждать, и остается только, зажавъ носъ и уши, переждать, пока пройдетъ этотъ грохочущій нелитературный обозъ, и атмосфера очистится вѣтрчнымъ вѣтромъ... Мимо этой заразы!

Но я никакъ не могу оставить безъ отвѣта статью А. В. Амфитеатрова, журналиста-литератора, совмѣщающаго въ себѣ самыя разнородныя качества: то онъ глубоко-чувствующій, тонко разумѣющій душу человѣка писатель, то безцеремоннѣйшій хвастунъ и допускающій ложь и клевету фельетонистъ; иная его статья, блестящая и проникновенная, умилила ваше сердце, заставила прійти въ восторгъ; а иногда онъ напишетъ такую гадость, что просто читать совѣстно... за автора.

По отношенію ко мнѣ г. Амфитеатровъ не ограничился только тѣмъ, чтобы не согласиться съ характеристикой Чехова и сказать, что мои наблюденія ошибочны, выводы невѣрны и характеристика не выдерживаетъ критики. Если бы г. Амфитеатровъ удовольствовался одними этими положеніями, мнѣ, можетъ быть, и возражать не пришлось бы, тѣмъ болѣе, что сильное перо г. Амфитеатрова могло самого меня убѣдить въ моихъ ошибкахъ. Но въ томъ-то и дѣло, что у г. Амфитеатрова не пашлось фактическихъ данныхъ доказать мои ошибки, онъ не отыскалъ въ себѣ ни силы, ни красокъ нарисовать убѣдительную картину моей неправоты. И онъ, въ ущербъ самому себѣ, прибѣгнулъ ко лжи, да еще ко лжи самой беззастѣнчивой и бесполезной. Отъ въ своемъ фельетонѣ предсталъ передо мною Амфитеатровымъ № 2, типомъ, который приближаетъ его къ прозвищу—неподметенная комната русскаго литературнаго трактира. Слегка измѣнивъ эту тургеневскую фразу, я спѣшу замѣтить, что я не стану подобный эпитетъ прилагать къ Амфитеатрову № 1, т.-е. талантливому фельетонисту, прекрасному поэту и хорошему рассказчику. Пока Амфитеатровъ правдивъ, онъ пишетъ золотымъ перомъ, но когда злой духъ клеветы увлекаетъ этого человѣка на кривую дорогу, перо Амфитеатрова превращается

въ свинцовое, и онъ падаетъ ниже, чѣмъ заслуживаетъ его разнообразный талантъ.

Пусть г. Амфитеатровъ глумится надъ моими словами, но я презрительно взгляну на его хихиканья, теперь же открыто спрашиваю моего противника въ спорѣ о Чеховѣ: для чего онъ допустилъ такую бездну лжи и несправедливости, онъ, большой человѣкъ, не нуждающійся, подобно ничтожнымъ Григоріямъ Петровымъ и Сакулинымъ, въ натяжкахъ и передержкахъ?

Г. Амфитеатровъ базируетъ свою статью, между прочимъ, на томъ, что я оказался неблагодарнымъ человѣкомъ передъ Чеховымъ и, забывъ его услуги, отплатить ему «пасквильной» статьей. По словамъ г. Амфитеатрова, Чеховъ доставилъ мнѣ «мѣсто» фельетониста въ «Новомъ Времени», а редакція, кромѣ того, приняла меня московскимъ корреспондентомъ «съ согласія его, Амфитеатрова».

Все это, повторяю, ложь отъ начала и до конца. Я ужъ напечаталъ недавно письмо въ «Новомъ Времени», гдѣ разъяснилъ, что своимъ приглашеніемъ я обязанъ исключительно самому себѣ. Мои случайные очерки понравились тогдашнему редактору «Новаго Времени» А. А. Суворину, и онъ пригласилъ меня писать фельетоны изъ Москвы. Мѣсяца черезъ три вернулся въ Петербургъ изъ Нижняго г. Амфитеатровъ и только тутъ узналъ, что «не фельетонистъ» — мой псевдонимъ. Что же касается Чехова, то онъ точно также ровно никакого отношенія къ этой исторіи не имѣлъ. Наконецъ, А. А. Суворинъ вообще не пуждается въ чужомъ мнѣніи, и мнѣ смѣшно читать высокопарныя фразы Амфитеатрова о томъ, будто бы редакція спрашивала у него: а что, г. Амфитеатровъ, вы позволите намъ пригласить г. Ежова? Итъ, А. А. Суворинъ не изъ такихъ редакторовъ. Я его хорошо знаю, и если мнѣ кому остается быть глубоко благодарнымъ за приглашеніе на «хорошее мѣсто», такъ это одному А. А. Суворину, котораго я всегда глубоко любилъ и уважалъ за прямоту, справедливость и недюжинный умъ. Никакимъ другимъ лицамъ при «опредѣленіи» меня на мѣсто» московскаго фельетониста я ничѣмъ не обязанъ.

Теперь о названіи моей статьи «пасквилемъ». Судя Богъ и читатель г. Амфитеатрова, но я утверждаю, что онъ не смѣлъ называть такъ мою характеристику Чехова. Она все, что хотите, но не пасквиль. Считите ее ошибкой, вздоромъ, но вы не докажете, что я злобно отнесся къ Чехову. И менѣе всѣхъ могъ такъ сказать г. Амфитеатровъ, знакомый съ моею дѣятельностью московскаго фельетониста. За 20 лѣтъ своей газетной работы я ни разу не поддался духу лицепріятія, никогда не кривилъ душой, не лгалъ ни на друга, ни на врага, не допускалъ списхожденія во имя кумовства или пужаго знакомства. Даже въ прессѣ другого лагеря не разъ отмѣчали, что я человѣкъ справедливый. Все это должно быть извѣстно г. Амфитеатрову, слѣдившему изъ Петербурга за моею

литературной дѣятельностью. И онъ глубоко оскорбилъ меня, назвавъ мою статью «пасквилемъ». Это тяжелое слово сказано необдуманно и не тѣмъ Амфитеатровымъ, по адресу котораго я теперь пишу, въ честный уголокъ души котораго стучусь. Настоящій Амфитеатровъ не задумается взять свои слова назадъ. Замѣчу еще, что г. Амфитеатровъ ужъ потому не долженъ былъ торопиться съ своими эпитетами, такъ какъ онъ, по собственному признанію, статьи моей *не читалъ*, а знакомъ съ ней только по газетнымъ выдержкамъ. Какъ умный человѣкъ, г. Амфитеатровъ долженъ понять, прочитавъ мою статью цѣликомъ, что газетная шумиха поднята попусту, и что я отнюдь не умаляю достоинствъ Чехова.

Моя бесѣда съ читателями объ Амфитеатровѣ—дань уваженія таланту этого писателя. Если бы онъ вновь написалъ обо мнѣ вкривъ и вкось, какъ въ первый разъ, я ужъ не оскорблюсь, и мнѣ будетъ понятно, что талантливый Амфитеатровъ № 1 умираетъ, а въ немъ устанавливается обыкновенный журнальный инсинуаторъ и даже, если хотите, педадекій человѣкъ, не сознающій своего паденія. Я никогда не зналъ въ такихъ случаяхъ ощущенія злорадства, и я пожалѣю о быломъ Амфитеатровѣ, пожалѣю искренно, потому что я искрененъ во всемъ и не боюсь вздорныхъ пападокъ тѣхъ, кто ложно толкуетъ мои рѣчи.

Къ сожалѣнію, я долженъ отмѣтить еще одну мелкую черточку, дурно рисующую прежняго Old Gentleman. Онъ дивится, какимъ образомъ въ журналѣ, гдѣ стоитъ подпись издателя Суворина, можетъ появиться статья противъ Чехова. Что же это, доносъ на меня г. Суворину? Напомню г. Амфитеатрову, что въ журналѣ, гдѣ напечатана моя статья, существуетъ редакторъ, имѣющій право выбора статей. Этотъ редакторъ не ограниченъ г. Суворинымъ узкими рамками, гдѣ было бы указано—это печатать, а вотъ этого не печатать. Говоря такъ, г. Амфитеатровъ оскорбляетъ редактора того изданія, гдѣ печаталъ я характеристику Чехова. Смѣю увѣрить бывшаго сотрудника «Новаго Времени», что и здѣсь онъ далъ промахъ, выказавъ себя съ новой дурной стороны. Неужели и этого не чувствуетъ г. Амфитеатровъ?

V.

Я не могу напечатать всѣ письма читателей, писавшихъ мнѣ болѣе пріятные, чѣмъ непріятные, отзывы о характеристикѣ Чехова. Не буду дѣлать хвалебныхъ выдержекъ, по благодарю всѣхъ, кто сказалъ мнѣ доброе слово. Гораздо лучше привести примѣры не совсѣмъ согласныхъ со мною авторовъ писемъ. Вотъ хотя бы выдержка изъ письма г. N. N., который пишетъ, что настоящимъ именемъ онъ не подписывается, потому что оно «чуждо общественной дѣятельности» и поэтому не интересно ни мнѣ, ни публикѣ. О статьѣ моей онъ говорить такъ:

«Вы, какъ и всѣ современные журналисты, возитесь и топчетесь возлѣ такихъ фактовъ, которые мало интересны новой публикѣ, жадно читающей современные плохіе журналы и газеты. Очень мнѣ и другимъ нужно знать, какое у писателя Чехова было лицо, глаза, и кого онъ продернулъ въ своихъ разсказахъ, а кому воскурилъ оймѣамъ. Развѣ это характеристика писателя? Я, положимъ, не стану съ вами спорить и скажу, что, дѣйствительно, лишь глупые люди ставятъ Чехова, Короленка и дргихъ выше Тургенева или Достоевскаго. Но это не важно. Критика не должна быть слѣпа на главное. Она должна освѣтить писателя съ другой стороны, и тогда мы поймемъ, настоящій это писатель, или такъ, нувеллистъ, балагуръ о любви барышни къ молодому человѣку, и о томъ, какъ «онъ» «ей» измѣнилъ, и т. п. Вы, можетъ быть, намѣренно обошли молчаніемъ, понималъ ли Чеховъ ту эпоху, въ которой онъ самъ жилъ, чуялъ ли онъ назрѣваніе идей, охватившихъ массы, использовалъ ли эти явленія? Вы, какъ сотрудникъ «Новаго Времени», могли это выбросить умышленно; если же это вышло у васъ безсознательно, значитъ, вы совершили критическій промахъ, какъ и всѣ нынѣшніе критики, ходящіе по старымъ тропинкамъ литературныхъ садовъ.

«Я—не поклонникъ чистой беллетристики, напротивъ и, въ этомъ отношеніи для меня Чеховъ много ниже Горькаго или Короленка. Чуть не на другой день послѣ смерти Чехова совершилось великое движеніе, разыгралась революція, встала деревня, поднялась армія, произошли взрывы народнаго самосознанія, что пострашнѣе взрывовъ анархистскихъ бомбъ,—а что же Чеховъ? Онъ не видалъ, не почувалъ, не предугадалъ этой незримой подготовки обновленія. Онъ не обратилъ своего благосклоннаго вниманія на рабочихъ, онъ также все толковалъ про любовь да про измѣну, да писалъ смѣшные разсказы да драмы, гдѣ дядюшка Ваня стрѣлялъ въ какого-то дурака-профессора, женатаго на шикантпой барышнѣ. Нѣтъ, это не писатели! Возьмите вы Тургенева,—что ни романъ, то программа скорыхъ событій. Даже ретроградъ-Достоевскій—и тотъ чуялъ событія. Его «Бѣсы»—прямое откровеніе. А что у Чехова? «Дуэль»... опять подрались изъ-за барыни! «Чайка» и опять стрѣльба за барышню. Намъ, новымъ людямъ, такая литература ни къ чему. Народись теперь писатель-вѣщунъ, писатель-пророкъ,—вотъ его бы всѣ читали и посили на рукахъ. И такой писатель долженъ народиться. Ибо теперь, милостивый государь, прошелъ вѣкъ цвѣточковъ, нужно дѣло, нужна борьба, а не театры маріонетокъ».

Я не снабжаю комментаріями подобныя рѣчи. Это небезынтересное мнѣніе должны оцѣнить сами читатели.

Другой мой корреспондентъ заявляетъ:

«Знаете ли, чѣмъ, кромѣ матерьяльной выгоды, можно объяснить неудержимое стремленіе Чехова писать драмы? Повѣсти его, дѣйствительно, слабы, и онъ, потерпѣвъ на нихъ фіаско, рѣ-

шилъ взяться за драму. Вы сами говорите, что онъ горѣлъ желаніемъ написать сильную вещь. Вотъ онъ и сдѣлался драматургомъ, пробуя пройти въ храмъ славы разными средствами. Но до Толстого ему, конечно, далеко, и кто это проповѣдуетъ, тотъ, значитъ, плохо знакомъ и съ Толстымъ, и съ Чеховымъ».

Третій:

«Всѣ хвалили Чехова, вы—отводите ему второстепенное мѣсто въ литературѣ. Статья ваша интересна, но парадоксальна. Мелочи жизни Чехова, конечно, интересны для библіографа, но правда ли все то, что вы пишете? О ссорѣ съ Левитаномъ и я слышалъ, но тамъ, гдѣ замѣшана любовь (?), трудно разсудить, кто правъ».

Знакомые изъ Петербурга писали мнѣ:

«Чтобы идти вразрѣзъ съ огромнымъ большинствомъ, надо имѣть большой запасъ мужества. Смотрите, вамъ достанется отъ ярыхъ чеховцевъ». Кромѣ того, Чеховъ состоялъ въ лагерѣ, гдѣ партійность исключаетъ всякую надежду на справедливую критику...»
и т. д.

Я могъ бы привести много другихъ выдержекъ, но не довольно ли и этихъ? Право, вся шумиха поднята по недоразумѣнію. Заподозрѣли—и даже люди очень благоразумные—развѣнчиванье Чехова, чего на дѣлѣ вовсе не было.

Всѣмъ моимъ читателямъ, корреспондентамъ и критикамъ я заявляю одно: приступая къ характеристикѣ Чехова, я желалъ сказать о немъ правдивое слово, въ которомъ нѣтъ ни лести, ни недоброжелательства. Допускаю, что у меня есть ошибки, но и это заранее было оговорено въ моей статьѣ. Я просилъ меня поправить, если что не совсѣмъ вѣрно, а меня стали поносить и ругать, особенно тѣ, кто даже не прочиталъ мою статью. Да, трудно у насъ теперь говорить горькую правду. Но совѣсть моя спокойна, и я готовъ встрѣтить новыя нападки. На брань и гадкіе извѣты отвѣчать не буду, на дѣльный вопросъ всегда готовъ дать посильный отвѣтъ. Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать...

Н. Ежовъ.

